А на остановке, на лавке, сидели две старухи. Одна — красавица в прошлом, с темным, пропитым лицом, на голове высоко держится косынка, под ней вязаная шапка (в июле!), юбка вся в дырах, ноги в толстых чулках и мужских ботинках, я знаю, они удобнее женской обуви. Вторая — вся такая же, но вдвое меньше и суше, как ребенок. Они курили и беседовали. Потом маленькая сказала: «Прощай, подруга, может, еще увидимся». Они прожили свои неудачи, любови, ненависти, счастливые и критические дни, поцелуи, букеты сирени и роз, вечеринки с шампанским, новые наряды, туфли на каблуках, сидения в кино рука в руке, слезы ревности, неожиданные встречи, письма, все-все. В общем, «бездна прошлого равнялась бесконечности будущего». Они надеются, что в будущем — Бог. В виде увеличенной человеческой фигуры. Разливает половником счастье за земные страдания. Вера во что-то облагораживает, а откровения жестоки...

Миша обмишулит, Егор объегорит, Катя обкатает, Боря поборет, Слава ославит, Дуня надует, Маня сманит, Костя накостыляет, Тома истомит. Но Надя обнадежит, Дарья подарит, Варя сварит, Люба полюбит и т.д. Чего только не приходит в пустую голову в переполненном людьми с русскими именами автобусе! Простой, бед-

ный народ, безмашинный. С этим, наверно, жена не спит, мешает его сивушное дыхание. Старушка-дама. Как там — «Баронесса долго не могла уснуть». А про этих анекдот: «Как твой муж? — Да он все время поздно возвращается. — И чем он это объясняет? — Да лапшу мне на уши вешает, вешает. — А ты? — А я ему эту лапшу на рога наматываю, наматываю». Эта трогательная, в шляпке, даже кошка у нее была девственницей. Детишки со взрослыми лицами, с ножичками — «семибатюшные дети»: «Мне жить в лом, где пашут за ништяк». А вот — чучелко, у меня подружка такая была, зеленую шапку простодушно надевала к красному пальто... Где она теперь, сейчас побежала бы к ней без задних ног! Развязный бомж заигрывает с двумя цветочками с помойки, смеются, даже завидно. «Я пасынок державы дикой, с разбитой мордой» — это Бродский. Как Там ему пишется? О! Типический образ! Пафосный старикашка, тщедушный, тщегрозный, тщеславный, скорей ему место уступить! А вот красавица, учись: культивируй глупость, глупые привлекательнее умных. Видишь, как смотрит на нее некий «перпетуум кобеле»? И вообще, женщина до тех пор женщина, пока она девчонка. И опять бомжи, эти скоты, эти паразиты, а в сущности несчастные люди. «Детство у меня было тяжелое. Я вообще-то до пяти лет считал, что меня зовут Заткнись». «Кочующей кошке без рода, без дома, по морю, по рельсам, по стройкам, по ямам, то юной, то зрелой, то старой и драной, пока неизвестно, где будет конец» — это я сочинила, увы! «Зашло над Лукоморьем солнце, бомжи доели суп с котом, на «мерседесе» дуб несется, златая цепь на дубе том» — а это не я, увы. «Если вы родились в России, тоска по иному бытию неизбежна», — опять Бродский. Кому очень надо, все Там встретятся!

Тут сильно выпивший старик сказал незнакомой бабке: «Девушка!». Бабка улыбалась всю дорогу, потом, выходя, кивнула ему: «Счастливо доехать!» Бедные бабы!..

«Здесь остановки нет, а мне — пожалуйста, шофер автобуса — мой лучший друг!» Остановите! Из «нельзя» все время делать «можно» — вот суть русского, значит, и моя. Автобус с народом растаял вдали, а я поползла на горку в учреждение, которым заведует моя подруга. Догнала двух стариков, сгорбленных, обтрепанных, мужа и жену. Она: «Подожди, остановись, я кофту застегну». Как бы мне не слиться с ними в один цвет, ведь и они, и я идем к Анне с протянутой рукой...

В этой деловой конторе несколько бухгалтеров, шелестят бумагами, не отрывая глаз от компьютеров, носят Анне на подпись документы, берут-кладут деньги в сейф — из сейфа, у Анны не смолкает телефон — на полстола, с какими-то кнопками, клавишами, красивая трубка утопает в ее мощной загорелой руке, женственный голос всегда заинтересован и деловит, а с ревизорами, вечно сидящими в ее благотворительном учреждении, серьезен и простодушен. Маленькая, кругленькая, одновременно величественная, как прирожденный начальник, и мило-смешливая, как прирожденная кокетка, Анна радует и глаза, и душу всех, кто с ней сталкивается. Иногда я просто поражаюсь! Она показывает высший класс жизни — у нее все есть, и она все может! Даже музыка! Правда, не в конторе, а дома, кассеты с оперным Басковым, я бы задаром слушать не стала, но на вкус и цвет... Картины, правда, только мои, больше мне дарить нечего, она даже обижается, что мало...

Вот и старички мои с лапками, протянутыми вверх ладонями, вот амбал без правой руки, вот мать с ребенком ДЦП, за ними крошечная женщина-игрушка, мечта каждого мужчины, ей-то чего надо? Вот...

Боже! Кто ее спрашивает, хочет или не хочет она жить с таким лицом? Рыженькая, курносая, верхняя челюсть с двумя передними зубами выдвинута сантиметров на десять вперед, а нижней будто совсем нет, перешла в шею, не заметив. Она похожа на зайца из мульфильма, зайца лет сорока, над которым все хохочут. А жизнь разве мультфильм? Стоит чистая, выглаженная, наверно, вся ее жизнь чиста от всего — любви, секса, родов, беготни и суеты вокруг мужчины. Чиста от жизни. Еще один, на костылях, и потому у него на красивом, мужественном лице печать, как в магазине уцененных вещей, — низший сорт. А зря! Но мужики слабее женщин. «Никто не жалеет, все жалости просят...» К тому же несчастным быть легче, чем счастливым! Для счастья нужно пахать и пахать!

За мной встала дурочка в красной шляпе с колокольчиками, пенсионерка, до каких дикостей доходят одиноко живущие люди! И как ухитряется Анна смотреть на все это глазами близкого родственника?! Хотя ведь не свинорылые же спекулянты! Детский сад без возраста! Который верит, что кто-то сильнее их: Бог, звезды, власть, Анна... Жалких, государственных, сто раз считанных милостей часто не хватало, тогда Анна доставала свой собственный кошелек, вернее, бумажник, и огромной спокойной рукой, какой и должно быть руке дающей, доставала и дарила несмятые купюры. И не трешки — десятки, сотни! Сотни тысяч во времена миллионов, и снова сотни теперь. Как фокусник какой-нибудь! Где-то я прочитала, как царь вынул белый платок и сказал то ли солдатам, то ли жандармам, то ли чиновникам: «Чем больше слез вы утрете людям, тем лучше будет ваша служба». Я тоже протянула к Анне руки, не пустые, правда, с какими-то лозунгами-плакатами к очередному мероприятию, слава Богу, что они еще существуют! Эти кумачовые тряпки иногда протягиваются через всю мою квартиру, как бы обещая будущий пир жизни бедному художнику, хотя бы такой же красивый кусок мяса. Но как-то и мясо — только у Анны в гостях. По телевизору в «Моей семье» многие бизнесвумен мечтают о мужьях-няньках, прачках, поварах, а деньги она — сама, сама! А у Анны само собой так вышло, когда у мужа отнялись ноги, но руки золотые остались при нем, вернее, при ней. И мужику не обидно, все-таки на своих стирает, варит, кладет плитку в ванной, все блестит, вылизанное мужем-алкоголиком в перерывах между запоями. Старшая дочь перебесилась, слава Богу! Младшенькая, не будем пока... Две собаки бегают по огромной квартире друг за другом, одна породистая, за бешеные деньги, другая с помойки задаром. Дверь не запирается, все время приходят, уходят, снова приходят, приезжают, приползают, все с протянутыми руками, даже если рук совсем нет. Сильным нужны беспомощные, а женщине чувство своей полезности для кого-то всю жизнь заменяет чувство счастья. А после того, сказал кто-то, что российское правительство сделало с народом, оно обязано на нем жениться. Вместо этого, по словам еще какого-то умника, оно без конца озабочено тем, как у всех отнять, чтобы всем прибавить. Отнимает кто-то другой, Анна же создана природой для прибавки. «Давай напишу, — говорю ей: — *Земляне! Усилием разума сдержим потребительские инстинкты!* Повесим над твоим столом». И тут такая, такая, ну не поворачивается язык сказать «старуха», дама семидесяти лет нарисовалась в кабинете. Мы сразу поняли, что эта старушка даст нам сто очков вперед! Полная, она была в брючном костюме, бесстрашно сознавая, что он подчеркивает живот, но породистые длинные ноги, крупные кольца темных волос, большие умные глаза... И осанка! Манера разговаривать. Какое-то

прирожденное величие. У Анны не оказалось какой-то справки для нее по строгой форме, и я сказала, что завтра принесу ей... Подмигнула Анне. Записала адрес. «Зачем? — удивилась Анна, когда красотка ушла. — Ты же сама день и ночь твердишь: как жить, как жить, хотя у тебя семь пядей во лбу, вот я пойду к ней и узнаю, а потом мы напишем учебник для начинающих старух. Бестселлер! Нам он скоро понадобится».

Этот секрет, простой-препростой на первый взгляд, сидел в комнате на диване и ждал ужина, худенький, веснушчатый, лет на 15-20 моложе Нонны, чем-то похожий на композитора Родиона Щедрина и так же, как тот на свою Майю, смотрящий на свою Нонну. Еще бы! Друг, подруги, песни под гитару, тренажерный зал, парная, массаж, походы в театр, на пляж, в гости — прожигание старости. И в домашнем трико, выцветшей майке с буквами, она — как скала, а он — как щепка в потоке воды вокруг этой несокрушимой твердыни. Нонну создала природа, как создала сирень, болото в лесу, тучу в небе, морской прибой, все в ней врожденное, значит, вечное. «Да мне уже сто лет никто не говорил, что у меня руки красивые». «А он сказал?» «Я скоро упаду посреди улицы и захриплю, как лошадь! Бабе без мужика смерть! Раз больше некого нянчить... Это не жизнь, а битва за жизнь! Устала, говорю, уходи! Не уходит... Не держи — и удержишь... Телос — структурированная вода, где бы достать? Прочитала — чудеса делает! Все боятся старости больше, чем смерти. Седею уже по второму разу. Проснешься полвосьмого, а чайник с вечера, когда свет горел два часа, забыла спрятать под тулуп, теперь попить неледяного нечего, наденешь на себя сто штанов и кофт и будешь ждать рассвета, делая вид, что все нормально. Стекла окон заморожены даже изнутри комнаты, снизу. Вдруг вспомнишь, что в кране должна быть горячая вода, нальешь в пластмассовые бутылки, привяжешь к пояснице с двух сторон — это бодибилдинг, нагрузка для похудания, тяжело двигаться, но тепло сидеть... «Каждый прожитый день приближает нас к весне, уже 15 января, — это по радио. — Вдоль по улице метелица метет...» Значит, зима не только у нас! «Моряки-тихоокеанцы отправились на военном корабле в Индийский океан». Российский флот возрождается! Хоть погреются! На градуснике в комнате плюс 12, спасибо, родные! Не плюс же 3, как в каком-то Новошахтинске. Мы закалимся, мы воспитаем себя, это только в Индии при плюс 15 утром были найдены умершие от переохлаждения. Мы не такие! В космосе вообще минус 273, но ведь кто-то же там живет, бери пример! А при свете хочется включить все лампочки и ходить смотреть на них. Это сколько энергии надо, чтобы обустроить Россию! Все дело в энергии, все дела. Наказание в России — пришел сварщик и отрезал трубы отопления. Россия — льдина, она не живет, а еле-еле выживает, а человек ли — русский? Полгода в постели с книгой под завывание метели за непрозрачным ледяным окном. Старость — усталость, больше не хочу ни в каких мирах, ни в каких богатствах, ни в каких счастьях, нигде ни в чем, душа истратила все стимулы, все трын-трава, в молодости ищешь истину, а в старости иллюзии, жизнь кончается раньше, чем приходит смерть, а для новой жизни нужна новая молодость. Можно ли выползти из старой жизни в новую, как змея из своей кожи? Плачешь и вдруг начинаешь зевать, лови последние чувства, последние импульсы души, еще секунды — и все! все! все! Андрюша, как рыбка? То-то же! Будешь кофе или «монастырку»? Половина моих нервных клеток уже не реагируют на него — те, что поумней. Или подурней?.. Одиночество, каждой собаке рад. А вчера мой телефон был кем-то занят, опять

Андрюшины бабы… Одна звонила по ночам, я думала — антисемиты, поставила определитель номера, потом пошла с подругой по этому адресу, и милиционер с нами был. Как она увидела нас, поверишь, описалась! Не ожидала! Теперь еще кто-то звонит, бабы его любят! Представляешь, у него все друзья — женщины! Но от меня никуда, я на год к дочке уезжала, приехала, о нем не думаю, а он бежит ко мне! Не знаю, что делать, нет у меня уже сил на него! А он еще молодой… А я теперь лишь три часа в сутки молодая, и то не каждый день. Лежишь, умираешь, потом собираешь свои кости по частям, нарядишь их в красивые тряпки, посадишь в троллейбус. Шла однажды по жаре через новый мост, высокий, и кто-то кричал в животе, прямо метался от ужаса, но ведь там уже не было будущих зародышей, клеточек, а они кричали, нерожденные детские сады. Иногда с умилением смотрю на свои ноги, таскают такую нелегкую меня, передвигают в пространстве столько лет и пытаются выглядеть! Вдруг мысль: тело мое скоро уйдет навек, накупить ему обновок, белые брюки, пиджак модный, обувь, порадовать эту изношенную плоть, ведь Там не будет этих рук, плеч, волос, останется только невидимка бессмертная — душа, которой ничего не надо. Дурацкая мысль, я никогда еще не смотрела на свое тело отдельно. Пройтись бы в синем в белый горошек платье по вечерней летней набережной в Находке, молодой и красивой! Прощайте, так и не исполнившиеся видения, вы обещали сбыться, поэтому хотелось жить! А теперь мы идем искать счастья в другой мир».

— Так что не «шерше ля фам», — сказала я Анне, — а «шерше ля мур». Извини, французский не учила, то есть если видишь красивого и счастливого, то это не его заслуга, это мальчик с луком и стрелами случайно в него попал. Действительно, Бог есть любовь. Единственная энергия на свете — это половое влечение, хоть в 7, хоть в 77!

— У нас смотр на носу, срочно оформи и развесь выставку творчества инвалидов.

— Она под гитару поет! Басом! «Может, завтра душу мою поведут в заснеженном платье и сотрут, как стирают слезу…»

— И в жюри будешь сидеть. — Да я не умею, ты что! Жюри — это начальство, а я начальство всю жизнь, мягко сказать, недолюбливала.

— Значит, и меня?..

— Ты исключение!

— Знаешь, она еще и работает! Говорит, если человек не ходит каждый день на работу, то он мертвец.

— Твоя Нонна — максималистка!

— Нет, мудрая черепаха Тортилла! Давай ее в гости позовем, посидим вместе вечерок.

— Я ж после смотра в Австралию улетаю! Иди работай!

И я пошла, столкнувшись в дверях с черным, как уголь, лицом, на котором тускло, не освещая его, жили глаза, за ним — старушка. Сними она эти желтые от полвека кружева, была бы красивей и моложе, но она же помнит свидания в этих кружевах! Еще один — согбенный, кашляющий, на ногах боты, из-под брюк болтаются тесемки кальсон. Держись хоть ты, Нонна! А в троллейбусе вечером хорошо, много выпивших, веселых, дурачащихся. Баба и мужик лет сорока, он ее целует, а она его бьет по морде пучком черемши, он хохочет и снова целует. А у нашего подъезда остановилась свадьба, вся в белом невеста на девятом месяце, вот-вот родит, фотографировалась возле машины с лентами, смеялась так беззаботно и весело! Приятно смотреть на сильных женщин, Нонны не переводят-

ся! А кто ж тогда вон там с утра до ночи двустволками взглядов следит, здоровой ли жизнью живет народ? Это наше будущее? Содрогнись!

Раскрасневшийся Дениска бегал по залу с заправленными в брюки пустыми рукавчиками, я вывесила на выставку все его рисунки, сделанные кисточкой, зажатой во рту, так и будет теперь держаться за жизнь зубами, обходя трансформаторные будки за версту. Понимает все о его будущем только его молодая симпатичная мать, которая без конца сдерживает слезы, но все равно выглядит плачущей. Ходит тут со своими слезами, мешает проехать Василисе Прекрасной в длинном платье, путающемся в колесах инвалидной коляски, завидующей Царевне-Лебедь с палочкой и вообще почти всем, какие они инвалиды, едят-пьют в три горла, а ей и к столу не подъехать.

А может, этой симпатичной Василисе Прекрасной в другой стране бы пожить? Я где-то читала, как наша 60-летняя тетка в Германии купила велосипед, и вся улица учила ее на нем ездить, поклонники появились! Потом научилась хорошо, но поклонники пропали. Люди любят тех, кому они нужны! И «без жалости людей выносить невозможно». А может, это игра такая — жить на инвалидной коляске, игра — жениться и разводиться, спать в самолете над Землей и спать в канаве под забором. Все игра! Выключи звук у телевизора и посмотри на лица на экране, и поймешь: люди — прирожденные игроки! Возьмут что-то себе в голову и играют до посинения, или кончат одну игру, останутся живы и тут же начнут другую, жизнь им подбрасывает без конца, на небе чередуются знаки Зодиака. По Гераклиту, космос играет сам с собой, как ребенок, но безгорестно и безрадостно, как автомат. Но мы-то найдем, чем заполнить жизнь, чтоб не дуло из пустых углов космическим холодом, у нас ведь есть великая всем играм игра — любовь! И некоторым так везет, что и в 70 им есть с кем играть. Как-то на днях Нонна позвонила об «измене» своего Андрюши:

— Как он мог! Мне надо поставить новый замок в двери, а он ушел на день рождения к сотруднице из своей конторы. Может, бросить его? Как я устала!..

Я чуть не подпрыгнула от восторга, что люди в 70 способны на такую наивность, ведь теперь ей нет толку быть угрюмой и несчастной, маша рукой миру. Чуть не рассказала ей байку: «У него было две жены, молодая выдергивала ему седые волосы, а старая — черные».

— Ты что, — говорю, — береги его, другого не будет... — Спохватываюсь и перехожу на «вы»: — Вам столько лет, а мужчины еще любуются вами!

— А мне, стыдно сказать, приснилась сегодня менструация, и я так радуюсь ей!

— А какие мужчины вам вспоминаются?

— С которыми танцевала или пела... Раньше ведь как танцевали! Жизнь прекрасна, несмотря ни на что!

— Но вы ведь и на аэробику еще ходите!

— Да, теперь уже дожила, можно следить по себе и по друзьям, кто как с ума сходит. До свиданья, голубушка, сейчас Андрюша явится, а у меня ничего не готово!

Такой напор голоса у Нонны, значит, борьба идет не на шутку, сцепились врукопашную — она и смерть. А «цена жизни на таинственной бирже падает с каждым днем», и надо играть до конца, словно договорились. «Учись держаться ни на чем, как звезды», — сказал кто-то, вообразивший, что он знает что-то про звезды...

Анна же открывала какие-то новые мастерские, пункты ремонта, цеха, новые рабочие места для редкостных, трудолюбивых инвалидов.

Меня попросила занести какие-то бумаги некой начальнице, без конца мелькающей на местном телеэкране. Перед ее кабинетом висело: «Говори тихо, проси мало, уходи быстро!» Хотелось уйти немедленно. Сама она оказалась проста, не накрашена, вальяжна, уже за пятьдесят. Тут вошел немолодой, но шустрый, может, журналист, почему-то подумала я и, выходя от нее, неким затылочным глазом с ужасом увидела, как она ткнула в мужичка пальчиком и издала плотоядный смешок. «Суха, мой друг, теория всегда, — сказала Анна, — но древо жизни вечно зеленеет».

Осенью контора Анны устраивает ярмарки, помогает своему контингенту продать выращенные овощи-фрукты. Хор бывших учительниц поет печальное: «Я люблю твою осень, Россия, обнаженную святость берез».

— Родилась инвалидом, научилась вышивать, покупают, откладываю деньги на свои похороны, — даже похороны нужно подешевле, кругом беззарплатица!

— А я сегодня пошла платить за квартиру, в дверях почты, ужаснув всю очередь, упала ничком, все коленки в крови.

— У меня грыжа пищевода, когда приступ боли смертной проходит, вдруг такая любовь к жизни рождается!

— Закат, огни на море, я помню, что это красиво, а почему — не помню...

— От нее уже пахнет смертью, а она верит, что любима. Счастливая!

— Дура, конечно. Не одна она такая, нас тьмы и тьмы.

— А ты думаешь, лучше быть засушенной?

— Привыкаешь!..

— Купите свеколки, без нитратов! А огурчики? Сам солил. Под водочку!

— Мне всего-то 85, я член секции ветеранов, помогаем, хороним...

— Мы, пенсионеры, выброшенные на помойку.

— Э, мало ли нас, никому не нужных!

— Глупо обижаться на законы природы.

— Гляди, мужик в одних кальсонах, без брюк, бедный!

— Да тут дураков много, выпустили их, что ли, чтоб не кормить?..

Анна сидела за столиком администрации ярмарки, красивая, довольная. Даже я радовалась, бросая взгляды на свои кумачовые плакаты, колышущиеся под ветерком бабьего лета. Анна, правда, не улыбалась, для улыбки не хватало двух передних зубов, деньги, собранные на зубы, на днях выпросил, невольно, конечно, больной нищий поэт, сказал, умрет и не увидит книжки своих стихов...

«Где-то на Дальнем Востоке офицеры, долгое время не получавшие зарплаты, развели в гарнизоне свиней для пропитания. А чтобы не перепутать их, на спинах свиней написали фамилию и звание хозяина». Я прочитала это Анне с обрывка газеты, она посмеялась с дыркой в зубах и укатила в другой конец площади, туда подъехала машина с завышенными ценами на помидоры.

Вот вчера была у Анны, встречали китайский Новый год. Анна с жуткой, деловой безрадостностью на лице сказала, что из удовольствий осталась только еда.

— Да я вообще сегодня утром чуть не умерла от тоски, пока по радио не сказали, что настроение человек создает себе сам. Сам себе не поможешь, никто не поможет.

— Нет-нет, девочки, все же эскалоп, беф, фрикассе, сациви, лобио, чанахи — это звучит как музыка. Кусочек буженины — словно лепесток розы в букете, свиная отбивная — любовное свидание, ананас, банан, кофе с мороженым — это запретные удовольствия — танцы в парке, гулянье до утра, поцелуи... А белые и розовые ракушки зефира, а торт, тающий во рту, а шампанское! Почти секс! «Мясо наелось мяса, мясо вином налилось и покатило к мясу в шляпе с большим пером».

— Фу, противно!

— Неужели? А вот: «Полфунта недоеденной клубники мой кот смахнул на твой чулок».

— А я буду шить зеленую, как лес, юбку, новую из старой. Как в Америке новая религия — аскетизм.

— То-то они нас завалили своим ношеным тряпьем!

— Потому что в России из-за холодов воду заменили водкой. Вот и, как сказал кто-то, несет ее, мать-Россию, как пьяного домой, зигзагами и кругами.

— А нам бы разливанное море любви и счастья! Где?..

А вообще-то в доме холодновато. То ли от постоянно открывающихся люду дверей, то ли из-за отсутствия всяческих мелочей, офис, а не квартира, нигде ни одной нитки-катушки-тряпки, невымытой чашки, все блестит и холодно. Тепло лишь от самой Анны, даже если она ругается с кем-то по телефону, как начальник, которому не дают быть никем иным.

— Там, где друзья, холодно не бывает!

— Да просто мы батареи отключили... не хватает средств на отопление... И вообще, у нас и так тепло.

— Конечно, поэты от благодарности надышали!

— Да, книжка уже выходит!

Другие поколения заполняли улицы, магазины, театры, дорожки в парке, песок пляжа, городской транспорт, квартиры. Он знал про них одно: что они другие и среди них нет любимых, дорогих, единственных. Совершенно не к кому обратиться...

— Самое страшное — это долгая старость, бессмертие и вечная жизнь. Как наивны и счастливы те, кто этого не понимает... А я вдруг поняла, что давно не живу, а только смотрю на жизнь... Какая жуть! Пальцы-то как искривились!

— От такой жизни должно было что-нибудь искривиться.

— Носи при себе свои таблетки, а массаж пальцев делай по направлению к ногтям.

— Я одной ногой в могиле, а вы у меня продленный полис требуете!

— Что вы хотите — эпоха остервенения!

— Говорят, к сорока годам человек либо сам себе доктор, либо дурак.

— Умереть бы шикарно, лежать с улыбкой в чистой постели, излучать мудрость и покой... А не так, как вчера в аптеке!

— А снарядов наделали столько, что они сами стали бродить по дворам, помойкам, вокзалам, валяются, пугают!

— Смотри, бабы стали курить на ходу, как мужики! «Три девицы под окном закурили вечерком, ой курили, ой курили! Говорили о своем!»

— И пусть мне сто лет, но пока я жива, этот мир мой! Одуванчики, забор, туча в небе!..

— У меня уже нет энергии любить негодяя десяток лет! — Позвонила Нонна. Кажется, у нее 72-я весна. Или 73-я. Человек должен быть живым до конца. — Андрей уехал в командировку и пропал!

«Командировка в весну!» — чуть не ляпнула я, вспомнив его мягкий, быстрый взор, как у всех бабников. Она опередила меня с утешениями:

— Никуда он не денется, я знаю, он без меня не может!

— Ну да, вы же по натуре опекун, вам бы — целый детский сад таких Андрюш!

— Спасибо, голубчик! А я проснулась в пять утра, на самом деле это черная, глухая ночь. Господи, говорю, прости, что радости жизни больше нет в моем организме, ни в одной клеточке, до сортира бы дойти! А в пять вчера ожила, одушествилась, восчувствовала, деревяшка изжитая! Я вот тут разбираю вещи, решила выбросить все ненужное, нашла красивое платье для тебя, голубчик…

— А я вам хочу книгу подарить, вы читать любите…

— А проснулась я потому, что муж приснился, Дим Димыч, вроде молчит, грустный, лицо серое, рот закрыт, а я слышу его слова — что моя жизнь ему не нравится… А я хочу ему сказать, что недавно окрестилась, теперь, мол, можно, а он пропал, растаял…

— Скажи Нонне, чтоб за гуманитаркой пришла. — Анна стала озабоченной, скоро конференция, могут переизбрать, вчера по радио отвечала на вопросы радиослушателей, все вопросы от нее отскакивали, гладкость все же смущает… Анна-неваляшка!

Я вспомнила, что однажды видела мужа Нонны, он был известным человеком, она жила за ним, как за каменной стеной, он приучил ее к тому, что рядом должен быть мужчина-стена. А теперь? Когда твое прошлое кажется чужим — это тоже старость. Равнодушие поглотило ее. С удивлением выбрасывала какие-то книги, вырезки из газет, выкройки нарядов, письма, листки с адресами, телефонами. Что все это значило когда-то в жизни? Обещало счастье? Он не только сам ушел, но и взрослую дочь увел… «Мне странно, что я еще жив средь стольких могил и видений»… Старческое соглашательство, пережевывание прошлого. Питаться тем, чего давно нет, воздухом того, что когда-то было? Старость занимается археологией и палеонтологией, а смерть — начало нового этапа существования? Или прибудешь Туда, а Там написано: «Коля и Маша были здесь»?

Так она отчуждалась от земного, уже смотрела со стороны, была уже на полдороге… Но дома была другая Вселенная, где реально существовала и восторгала нигде больше не существующая Любовь, где не было никаких 72-х, а было лет 20, где не болели ни сердце, ни ноги, где цвела ее жизнь, во всех других пространствах и временах давно кончившаяся. Этот иномир был вплотную к обыденному миру, и она сновала туда-сюда, туда-сюда.

Парики висели возле зеркала, как и два года назад, добавилась модная широкополая черная шляпа и черные туфли на шпильках, героические, потому что Нонна поправилась. И уже успела загореть, красиво оттеняя черную комбинацию — единственную форму одежды для дома, в которой Нонна чувствовала себя женщиной. Ноги казались двумя смуглыми туловищами, руки — туловища потоньше, ничего не отвисало, не тряслось, кудри почти без седины.

— А ты знаешь, какой он любовник! — выдохнула с горящими глазами. И я поняла, что все изменения за эти два года, по-видимому, в ее голове, мне стало стыдно, что муж слышит ее слова, все-таки прожил в этой квартире лет тридцать, хоть частица его духа витает здесь. — Вчера Андрюша позвонил по междугороднему, просто его командировку началь-

ница продлила… Она меня терпеть не может, он у них там потенциальный жених… Я знала: разве он может уйти, он ведь уже кухню побелил, ванную покрасил, я ему зал ремонтировать приготовила, вон все шубы убрала, со шкафа белить будет, у меня же потолки четыре метра!

Короче, этот Андрюша своей мягкостью испортил Нонну. Как великанская обезьяна кормила Гулливера насильно из своих защечных мешков, так Нонна засунула-таки в меня (наверняка, и милого так кормит!) и нелюбимый мною борщ, и вредное мне из-за аллергии кислое варенье, естественно, к тому же напрашиваясь на комплименты повару. «Хочешь общаться — терпи!» — прикрикнула я на себя, когда она диктовала мне текст «моей» подписи на даримой мной книге. Никогда не хотела дожить до 70-ти! Я и не думала, что ее Андрей так поразит меня, но поразил! Тогда он был довольно-таки молодым, живым подарком всем женщинам за пятьдесят к 8 Марта, теперь, спустя два года, от него остался только профиль, словно вырезанный из серой губки, и этому профилю было тоже 70. Он как-то беспомощно взглянул на меня, но этот миг, когда я заслонила Нонну в черной комбинации, прошел, я махнула им на прощанье и спустя несколько дней очутилась у Анны, диктующей кому-то по телефону какую-то инструкцию… Где ты видишь счастье? Где? Где? Только у закрывших глаза, то есть спящих или притворяющихся, что счастливы. Муравьи ползут по утрам на работу — это единственный смысл. И дети — это святое! Остальное — ловля из хаоса крошек удовольствия. И вот полный троллейбус разнообразных старух с одним вопросом на лице: Господи, где я, зачем я? И все «хрущевки» набиты ими, все лавки возле подъездов, все дешевые рынки и распродажи. Развесив складки разношенной плоти спереди и сзади, трясущееся желе тел, родинки, шишки, наросты, крючковатые неловкие руки и ноги с ослабшими мускулами, глазки, ушедшие в глубину черепа, брюзгливые рты, закосневший от предрассудков разум, жадность к еде, страх перед смертью. Главное население Земли — старухи, почему-то к мужчинам природа милостивее, долго не мучаются. И все плывут куда-то, даже лежа на койке. Думая, что уже приплыли.

— Ее опыт нам не годится, — говорю я Анне. — Она, как настоящая женщина, обожествляет мужчину, а мы не настоящие и не обожествляем.

— Слушай, мне стихи прислали: «Упал костыль, потом другой. / Как люди падали — навеки, навзничь. / Я их, вздыхая, поднимала, мы снова шли втроем, вперед. / Хотелось их — в окно! Долой! / И полететь, и побежать, смеясь! / Но я их снова поднимала, они вели меня к окну, и мы мечтали…

— Девчонка написала?

— Девчонка, сейчас посмотрю… 53 года.

— Молодец! Таким учебники для старости не нужны! Вон к тебе… — Я увидела 14-летнего по виду дурачка с лицом старика, впавшего в детство.

— Нет, это к Ольге Александровне, он по средам ходит, узнал, что это приемный день, приходит названивать в Москву в Министерство соцобеспечения…

— Ой, а зачем она ему деньги дает?

— Ей стыдно перед Москвой… С деньгами он успокаивается…

Я нарисовала с фотографии умершую от нефрита почек взрослую дочь Нонны. Спросить бы у этой красавицы, как Там и что делать здесь. Мы

пока живы, но это временно. Нонна сказала: портрет похож, но что-то не то... и вообще... нет, не могу смотреть... Я унесла портрет обратно, у меня много не нужной никому живописи. А так как жизнь любит собирать подобное до кучи, набрела в один уже декабрьский денек на маленький магазинчик в краеведческом музее, пыльный закуток. Там — шинели, шапки со звездами, погоны, пуговицы, монеты, значки, такие убогие вещи, прям хоть ложись и рыдай. Что несут продавать! С помойки, из сундуков, из углов каких-то. Не выдержала и купила картину за 50 рублей, последние отдала. Это было фото в рамке, выщербленной временем со всех сторон. С фото смотрела дама, такая «Мадам, уже падают листья» на фоне туманных облаков, птиц, узоров, образовавшихся гниением и распадом фотобумаги — непридуманное такое, слезы со смехом, кроткое вполне. А потом я увидела «Мать пришла просить помощи у сына» — вышитая гладью, размером с наволочку, картина... Кто-то ценит ауру ручного тепла — вязаные сумки, шитые тапочки, вышитые лебеди, вазы из проволоки со вставленными внутрь обрезанными пластмассовыми бутылками из-под воды.

— Олегова бабка с ума сошла, — сказал мне сын, — побирается на улицах, позорит их.

— А мне наш главный на работе пожаловался: у тещи невроз, есть совсем перестала, говорит, пенсия маленькая, объедаю вас... Хорошо, что твои бабушки не дожили!

Позвонила Анне, она болеет, давление 220, вызывали «скорую», а потом я пошла к ней в больницу. Как когда-то...

Анна большая и Анна-ангелочек умещались на одной койке, сливаясь в одно белое больничное с двумя сероглазыми лицами. Больница была детской, а палата — для умирающих. На другой кровати лежал пятилетний — ничего не просящее, никого не призывающее, без радости, без горя лицо, ни обиды на нем, никакой детской миловидности, потустороннее. Еще грудничок, отбракованный врачами из двух никудышных близнецов, матери сказали, что на двоих ни у них, ни у нее сил не хватит, и этот лежал без матери, с ротиком, обведенным синей предсмертной тенью, даже не плакал. Как я пожалела, что в моей груди нет молока!

— Как будто в меня воткнули нож и не вытащили, а я живу, — сказала Анна, ангелочек повернул к нам голову с умными глазами.

Уходя, встретила в коридоре высокого юношу... Мечтал в детстве и потом, каким-нибудь способом, — ну мало ли, вдруг, бывает же! Почему бы и нет, жизнь же большая! — мечтал побывать в Японии. Почему-то именно там. И вот — конец, он умирает, в Японии не побывал, не сбылось. И не вырос еще совсем, 17 лет, белокровие. Побывает теперь на том свете, а не в Японии. Жаль... Помню, что со злости выбросила любовно приготовленные пельмени в мусорную урну возле больницы. «Счастье, — сказала Анна мечтательно, — это умереть раньше своих детей»...

Ей отмечали как бы двадцать, с фотокарточкой посреди стола, ангелочек улыбался нам, трезвый отец доставал из духовки фаршированную рыбу, выпили, не чокаясь. «Вот, выписала, как бы тост... «Не красота спасет мир, а мы вас будем считать красавцем, если вы нас спасете!» За спасателей!»

Жизнь продолжалась, несмотря ни на что. Я загорала в открытом окне. Жизнь — это солнце, музыка, любовь! Нонна спросила по телефону, как называется бабочка с большими синими крыльями: махаон? Я поняла, что и у нее, хоть и в 75, есть я, но весна и Андрюша где-то рядом.

Странно, вместо смерти она влюбилась и стала умирать от любви. Видно, от какой-никакой, а от судьбы не уйти.

— Время — мой палач! Что ни день, то новая морщинка! — Пожаловалась. — Да, время пашет на лице. «Тело в молодости — наряд, в старости — гроб, из которого рвешься», — как сказала Цветаева. Актриса Раневская сказанула еще хуже: «Ой, мне нужно переодеться в кофточку. Отвернитесь, чтоб вас не стошнило».

За ее, Нонны, напористым басом чувствовалось не «покой и воля», а истеричное выживание и полная непросветленность. Как в ее огромной темной квартире в сталинском доме, где в прихожей большое зеркало с изжившей себя амальгамой уже не отражает ничего живого, а только призраки тех, кто когда-то в него смотрелся. И дуло из всех углов. Старость — это чистый мазохизм. Вспомнилась картина на художественной выставке: на носороге или бегемоте в три этажа сидят собаки, птицы, стрекозы... На ней никто не сидел...

— Чтобы не деградировать, — изрек хирург Амосов, — нужны идеи и заботы. Поняла? Вот и весь учебник «Как жить в старости»! — Анна отмахнулась от меня рукой грузчика, разговаривала с кем-то по телефону, записывая что-то в блокнот. Был вечер, свет ярко, неэкономно горел в прихожей, на кухне и в комнатных люстрах, на столе — цветы, кофе, чай, печенье, мужнины пирожки. Анна в своей коляске, муж ее в новой майке, 83-летний интеллигентный отец, красивая дочь с очередным, но, может, уже окончательным мужем, две подруги Анны и маленькая черная дворняжка, пережившая свою шикарную товарку доберманиху, — весь этот уютный, щедрый, добрый мир — я поняла! — был создан существом в инвалидной коляске. Каким-то высшим силам виднее, какому машинисту вести паровоз.

□ □